

ИВАН С. ШМЕЛЕВ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ВОЗВРАЩЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Игорь Цинтула

igor.rudolfovic.c@gmail.com

*Доктор философских наук, старший преподаватель кафедры
славянских языков УМБ,*

Банска Быстрица, Словакия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается писатель первой волны русской эмиграции Иван С. Шмелев в контексте феномена возвращенной литературы. Автор указывает на некоторые побуждения к изучению литературного творчества этого писателя в изменившихся социально-политических условиях, возникших в конце XX века, когда российское общество начало принимать новые оценочные позиции в отношении своего прошлого.

Ключевые слова: Иван Сергеевич Шмелев, русская литература XX века, возвращенная литература.

На протяжении всей своей истории русская классическая литература привлекала людей всех возрастов, профессий и мировоззрений. В произведениях таких классиков как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский или И.С. Тургенев

нев многие читатели то узнавали себя или окружающих их людей в главных героях, то искали выход из своих собственных проблем, или терялись в попытках найти ответы на важные проблемы своего времени, которые как раз описывались в сюжете того или иного произведения. Можно говорить и о том, что русская литература, начиная с древнерусской, всегда в какой-то степени определяла общественный дискурс – литературные произведения становились “горячими” темами дискуссий, особенно в высшем обществе или в правящих кругах, а писатель становился своего рода звездой, подобно актерам сегодняшнего кино. В отличие от своих “западных коллег” писателей в России веками почитались как носители истины, ценностей и народного духа. Причина такого отношения к писателю может заключаться, например в том, что до 1920-х годов большая часть населения была неграмотной, а написанное (т.е. “слово”) традиционно имело сильное влияние в российском обществе (заглядывая далеко в прошлое, можно сказать, что это связано еще с принятием христианства – православия, когда священнослужители читали книги Священного Писания, и именно через написанное слово открывалась для простого и неграмотного человека Божья истина).

Ситуация для писателей резко изменилась в период Гражданской войны 1917–1922, когда в процессе крушения патриархальной России и последующего разделения русской литературы на отечественную и эмигрантскую многие художественные произведения по идеологическим причинам не доходили до читателя. Писатели трех волн русской эмиграции в своей субъективной рефлексии

часто изображали и Россию, и жизнь в ней. В своем творчестве они практически не были ограничены и в литературном произведении могли напрямую изложить свою позицию по любой теме, в отличие от идеологически обусловленной литературы социалистического реализма в СССР и ее писателей. Лишь с середины 80-х годов 20-го века, в период “оттепели”, начали появляться “новые” для русского читателя произведения художественной литературы. Как пишут В.А. Зайцев и А.П. Герасименко, «в журналах, достигших в то время невиданных тиражей, (например, “Новый мир” в 1990 г. выходил в количестве 2.710.000, “Знамя” – 1 млн., “Юность” – свыше 3 млн. экземпляров), печаталось немалое количество запрещенных ранее на родине, так называемых “задержанных” произведений» [1: 308]. Таким образом, в культурной жизни страны «возникло явление, обозначенное термином “возвращенная литература”, которое заняло немаловажное место в сознании читателей и в самом динамически развивавшемся литературном процессе, что нашло отражение в целом ряде критических выступлений тех лет» [Там же].

В рамках феномена “возвращенной литературы” в русской культуре появилось немало разных, но тем не менее знаменитых литературных произведений, однако неоднородность – самая видимая черта данной литературы. В качестве примера можем вспомнить классиков XX века и их произведения как, допустим, романы «Мы» (1924) Е.И. Замятина, «Доктор Живаго» (1957) Б.Л. Пастернака, «Жизнь и судьба» (1959) В.С. Гроссмана или «Архипелаг ГУЛАГ» (1973) А.И. Солженицына, которые

были до этого по идеологическим причинам запрещенными советской властью. На долгие года осталось за границами литературное творчество и таких писателей русской эмиграции (из которых многие уже никогда в Россию не вернулись) как В.В. Набоков, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, Б.К. Зайцев, А.Л. Бем и других. Конечно, список как произведений, так и писателей гораздо обширнее, даже простое его перечисление не вместились бы в рамки данной статьи. Также нельзя утверждать, что многие из них были полностью незнакомы советскому читателю, хотя официально такие писатели не существовали, в стране активно действовал и расширялся тамиздат и самиздат. Однако, что касается литературных исследований, в отношении многих писателей и их творчества была принята идеологически “правильная” позиция, которая в условиях тоталитарного государства годами не менялась.

С “возвращенной литературой” начался новый этап литературных исследований, так же как и процесс занятия новых оценочных позиций. Как пишет И.О. Шайтанов, «процесс переоценки репутаций в русской литературе прошлого столетия активно начался, не ожидая завершения исторического периода. События “перестройки” в 1990-х гг. резко изменили шкалу ценностей, вернув из небытия многие имена и произведения, закрытые советской цензурой, и отправив, как казалось, в небытие многих из тех, кто печатались до 1987 года» [2: 3]. Русская читательская среда начала с большой жадностью открывать для себя свое литературное прошлое, как главные герои Л.Н. Толстого свою “русскость” в романе-

эпопее «Война и мир». Среди тех, чье творчество начало вновь пересматриваться, был и русский писатель первой волны эмиграции Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950), жизнь и литературное наследие которого вызывают с 90-х новую волну интереса как литературоведов, так читателей, и не только в постсоветской России, но и в Европе.

Итак, уже в конце XX века Шмелев получил следующую оценку И.А. Ильина: «Шмелев всегда стоял вне всяких литературных “течений”, “направлений” и “школ”. Он сам и направление, и школа. Он творит не по программам, а по ночным голосам своего художественного видения, которые зовут его и указуют ему путь» [3: 105]. Однако будем справедливы – Шмелев не был единственным писателем-одиночкой. Можем вспомнить похожий литературный путь С.А. Есенина, который сам себя сначала относил к новокрестьянским поэтам, потом позиционировался как имажинист, а затем не причислял себя к сторонникам какого-либо литературного течения. Остается правдой, что в отличие от Есенина творчество Шмелева оставалось в СССР на периферии более широкого интереса литературных исследователей, а среди читателей Шмелев был довольно долгое время известен лишь как автор повести «Человек из ресторана» (1911). Ничего в этом не меняет и тот факт, что и другие ранние (дореволюционные) произведения Шмелева, такие как «Распад» (1906), «Иван Кузьмич» (1907), «Гражданин Уклеин» (1908), или «Патока» (1911), изображающие главного героя и изменения в его мышлении, имели большой резонанс среди читателей начала XX века. В наше

время поэтикой этих произведений интересуются ученые как в России¹, так и за ее пределами².

Русскую революцию в октябре 1917 г. Шмелев не принял, так как уже в первых шагах нового большевистского правительства увидел серьезные моральные ошибки. Как и для многих других и для него события революционного 1917 г. и последующей Гражданской войны 1917–1922 годов стали роковыми во многих отношениях. Его единственный сын, белый офицер, был казнен во время этой братоубийственной войны. Факт, что Шмелев не смог спасти сына, несмотря на огромные усилия, впоследствии повлиял и на его литературное творчество, хотя в своих произведениях он часто упоминает о сыне лишь косвенно. Например, в романе «Солнце мертвых», который завершил уже в парижской эмиграции (в конце 1922 г. эмигрировал вместе с женой в Берлин, затем по приглашению И. Бунина переехали в Париж) как непосредственную реакцию на события Гражданской войны в Крыму, упоминает сына лишь в одном небольшом отрывке: «Грецкий орех, красавец... Он входит в силу. Впервые зачавший, он подарил нам в прошлом году три орешка – поровну всем... Спасибо за ласку, милый. Нас теперь только двое...» [4: 180–181]. Роман получил большой резонанс во всей Европе и сильно повлиял на взгляд евро-

¹ Напр. У преподавателя Ногинского педагогического колледжа г. Ногинска Московской области Макаровой Л.А. можно найти научную статью *Обретения и утраты героев в рассказе И.С. Шмелева «Распад»* (2007).

² Напр. У чешского литературоведа проф. Й. Догнала можно найти научную статью *Malý člověk a jeho dotyk s ideologií u I. Šmeljova* (*Маленький человек и его контакт с идеологией у И. Шмелева*, 2008).

пейского общества на события, происходящие “далеко на востоке”. Сегодня роман вновь вызывает интерес именно в российской культурной среде, которая пытается дать окончательную оценку гражданской войне с новых ценностных позиций. В 2014 г. в рамках серии «Русская классика» роман был переиздан и вновь передан в печать и то, что интерес он вызывает и за пределами России подтверждает факт, что новые издания появляются также в других странах и на других языках, например, в 2017 г. роман был издан на чешском языке и в настоящее время уже распродан.

После эмиграции в официальной (советской) литературе СССР имя Шмелева практически не упоминалось. Даже когда повесть «Человек из ресторана» была в 1927 г. экранизирована, это было сделано без его ведома. Тем более был Шмелев возмущен, что режиссер Я. Протазанов внес в сюжет значительные изменения. Несмотря на этот горький опыт, Шмелев не оставлял писательской деятельности, а наоборот, довольно активно участвовал в литературной и общественной жизни русской эмиграции во Франции и, казалось бы, творчески стал еще более активен. Писал такие статьи как «Пути мертвые и живые» (1924), «Душа Родины» (1924), «Как нам быть» (1927), в которых он отражает пасмурный настрой людей, вынужденных не по своей воле покинуть родную страну. Как отмечено в работе авторского коллектива под ред. Л.П. Егоровой, «в литературе русского зарубежья тема революции трансформировалась в ностальгию, тоску по оставленной родине. Изумительно по своей тональности, накалу чувств эссе Бальмонта «Москва в Париже». Очерк Шмелева «Город-призрак» – также дань памяти навсегда

покинутой Москве» [5: 62]. Современный читатель может воспринимать эти тексты не только как наследие русского писателя – эмигранта и патриота своей Родины, но и как конкретное свидетельство человека, лично пережившего почти все трудности бурного периода российской истории первой четверти XX века. Творчески продуктивный писатель, однако, приобрел характерную для многих русских эмигрантов черту – он остался человеком ушедшей России, которую ни он, ни его соратники не были в силах вернуть. Только в своих произведениях смог вновь воскресить Россию утраченную. Наряду с тем, как было в СССР объявлено безбожие (атеизм как государственная религия), творчество Шмелева имело тенденцию к противоположному – он написал ряд произведений, в которых тема религии (точнее, православия) становилась лейтмотивом всего сюжета и побуждала к действию главных героев (напр. «Богомолье», 1931; «Лето Господне», 1927–1944; в последние годы жизни работал над романом «Пути небесные», который уже не успел закончить). Это стало еще одной причиной его исключения из поля зрения официальной русской (советской) литературы, которая уже приобрела подзаголовок “социалистическая”. Когда в начале 2000-х г. русская общественность вновь “обнаружила” свою религиозность, можно сказать, “естественным” образом Шмелев и его творчество со второй половины 20-х гг. прошлого века начали вызывать большой интерес. Как напоминает В.Т. Захарова, поэтому сегодня «творческое наследие Шмелева стало осознаваться уже как наследие великого русского писателя XX столетия. Значимо, что в слове Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на цере-

монии перезахоронения праха И.С. Шмелева в Донском монастыре 30 мая 2000 г. он был назван им “великим русским православным писателем”» [6: 4].

В контексте данной статьи важно сказать, что Шмелев не был в СССР полностью неизвестным для тогдашнего читателя писателем. Его произведения издавались даже в странах советской сферы влияния (например, в бывшей Чехословакии, хотя один из его самых известных рассказов «Человек из ресторана» (1911) получил другое название – “A hudba hrá” (1968), в переводе на русский язык «А музыка играет»). Возвращение Шмелева в контексте феномена “возвращенной литературы” понимаем как “репатриацию” в смысле взрыва нового интереса в отношении писателя, переоценки его творчества и появляющихся новых исследований, выводов, оценочных позиций в свете идеологически свободной атмосферы 21 века.

Сегодня Шмелев и его литературное творчество можем рассматривать как наследие великого писателя начала XX века, который был забыт, и в изменившихся общественной и исторической ситуации его произведения набирают новой актуальности и значения. К счастью для нас, сегодня стало возможным взглянуть на уже хорошо знакомого читателям и ученым писателя через новую, менее идеологизированную призму. В заключении так хочется вспомнить еще раз слова В.Т. Захаровой, которая, анализируя творчество писателя, пишет, что сам «И. Шмелев – это, безусловно, явление культуры XX века, а верно осмыслить его творчество можно только с позиций, охватывающих и традиции, его вскормившие, и новации, которыми его произведения интересны» [6: 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайцев В.А.* Герасименко А.П. История русской литературы второй половины XX века: Учеб. пос. // В.А. Зайцев, А.П. Герасименко. М.: Высш. шк., 2006. 455с.
2. *Шайтанов И.О.* Русские писатели, XX век // И.О. Шайтанов. М.: Просвещение, 2009. 623с.
3. *Ильин И.А.* Творчество Шмелева // Ильин И.А. Одинокий художник. М.: Искусство, 1993. 352с.
4. *Шмелев И.С.* Солнце мертвых. // И.С. Шмелев. М.: Эксмо, 2014. 640с.
5. *Егорова Л.П. и др.* История русской литературы XX века. Первая половина [Электронный ресурс]: учебник: в 2 кн. Кн. 1: Общие вопросы // Л.П. Егорова и др. М.: Флинта, 2014. 450с.
6. *Захарова В.Т.* Поэтика прозы И.С. Шмелева: монография / В.Т. Захарова. Нижний Новгород: Мининский университет, 2015. 106с.

IVAN S. SHMELEV IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF RETURNED LITERATURE

I. Cintula

igor.rudolfovic.c@gmail.com

*Ph.D., Senior Lecturer at the Department of Slavic Languages of the UMB
Banska Bystrica, Slovakia*

ABSTRACT

The article deals with the writer of the first wave of Russian emigration Ivan S. Shmelev in the context of the phenomenon of returned literature. The author points to some of the motivations for the study of the literary work of this writer in the changed socio-political conditions that emerged at the end of the late XX century, when Russian society began to adopt new evaluative attitudes toward its past.

Keywords: Ivan Sergeyevich Shmelev, twentieth-century Russian literature, returned literature.